

Татьяна Скребцова

Санкт-Петербургский государственный университет

ул. Университетская наб. 7 / 9, 199034 Санкт-Петербург, Россия

Тел.: (8 10 7812) 3230784

МЕТАФОРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Изучение особенностей функционирования метафор в политическом дискурсе является одним из относительно новых, но активно развивающихся направлений современной лингвистики. Его зарождение принято связывать с появлением знаменитой статьи Дж. Лакоффа «Метафора и война»¹, в которой автор вскрывает и анализирует сложную метафорическую систему, использовавшуюся американскими властями для оправдания военной операции против Ирака в 1991 г.

Разумеется, политика и метафора были связаны между собой еще со времен античности через область ораторского искусства. Однако позднее, в европейской лингвистической традиции (начиная с младограмматиков), метафора стала рассматриваться как один из распространенных механизмов семантического развития лексических единиц – наряду с метонимией, гиперболой, литотой и др., тем самым прочно заняв место в кругу сугубо языковой проблематики.

Современное сближение метафоры и политики, происходящее на фоне бурного развития когнитивных исследований, связано прежде всего с переосмыслением самого понятия метафоры и ее роли в организации понятийной системы человека. Отказ от алгоритмического принципа моделирования человеческого мышления, признание огромной роли аналоговых механизмов в когнитивных процессах обусловили принципиально новый взгляд на метафору. Метафора перестает быть исключительно языковым явлением: постулируется существование так называемых «концептуальных метафор», структурирующих восприятие, мышление и деятельность человека, по отношению к которым собственно языковая метафора является лишь способом их манифестации². Теория концептуальной метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона становится одним из ведущих направлений когнитивной лингвистики, вызвавшим целый всплеск работ по изучению метафоры как когнитивного феномена³, в том числе ее роли в организации политического дискурса.

С другой стороны, современный интерес к исследованию метафоры политического дискурса, несомненно, поддерживается всей традицией изучения языка политики, опирающейся на пионерские работы Лассвелла, работы французской лексикологической школы, исследования Т. ван Дейка, К. де Ландтшир и др.

Исследование политической метафоры, таким образом, можно рассматривать как своеобразную точку пересечения отмеченных выше направлений – теории

¹ LAKOFF, G. *Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf*. In *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu, Hawaii, 1991.

² LAKOFF, G.; JOHNSON, M. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

³ СКРЕБЦОВА, Т. Г. *Американская школа когнитивной лингвистики*. Санкт-Петербург, 2000, с. 72.

концептуальной метафоры, с одной стороны, и изучения языка политики, с другой. Это формирует характерный для настоящего времени взгляд на политическую метафору как на тонкий инструмент конструирования, поддержания или изменения глубинных политических смыслов. Анализ политической метафоры при этом рассматривается как ключ к истолкованию и, возможно, предсказанию социально-политических тенденций в обществе. Выявляются корреляции между характером используемых метафор и особенностями политической ситуации, а также культурная обусловленность политических метафор⁴.

Настоящее исследование посвящено анализу метафорических систем, используемых в современном российском внешнеполитическом дискурсе (на материале публикаций газеты «Известия» за 2000-2001 г. г.). При этом, в соответствии с принципиальным положением теории концептуальной метафоры, рассмотрению подверглись не только и не столько так называемые «живые» метафоры (т. е. языковые выражения, намеренно и осознанно использованные для создания образного эффекта и воспринимаемые читателем в качестве таковых), сколько неосознаваемые, «стертые» метафоры, так как именно эти последние отражают конвенционально закрепленные способы языковой концептуализации мира, в данном случае – области международных отношений.

Даже беглый обзор публикаций выявляет большое разнообразие метафор, используемых для структурирования области внешней политики. Однако, по-видимому, центральной, повсеместно встречающейся является известная метафора «Государство-как-человек»⁵, в соответствии с которой государствам приписываются определенные, присущие людям, черты характера и манеры поведения в отношениях между собой. Так, собранный материал свидетельствует о том, что государства могут *задавать тон, подстраиваться, флиртовать, жить в ссоре, выражать обеспокоенность, перевоспитывать, торговаться, отмалчиваться, заставлять нервничать, приводить в замешательство, оказываться в гордом одиночестве, вести диалог, шантажировать, осуждать, укреплять, портить и т. д. отношения, мыслить, сознать, консультироваться, хлопать дверью, уговаривать, критиковать, обращаться с просьбой, быть недовольными, несговорчивыми и т. д., проявлять скепсис, желать напугать, вбивать клин, преподносить сюрприз, тягаться друг с другом* и даже *осуществлять наезды на болевые точки другого государства!* (Понятно, что этот список в принципе вряд ли может быть конечным.)

Отношения между государствами строятся по различным моделям социальных взаимоотношений: *друзья, соседи, родственники (братья, сестры, супруги), враги, партнеры* и т. д. Ср.:

«Противники Слободана Милошевича не оставляют надежд заручиться поддержкой “русских братьев”» (29.05.00);

«Просто мы должны быть уверены, что какой-нибудь компьютерный “бзик” или прочая “недобрая воля” (например, радиоэлектронный терроризм) не приведут к *дуэли* двух ядерных держав» (03.06.00):

⁴ DE LANDTSHEER, C. Introduction to the study of political discourse. In *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere*. Westport, 1998.

⁵ LAKOFF, сноска 1.

«На основных стратегических направлениях своей внешней политики – Европа и Дальний Восток – США столкнулись с неожиданными трудностями. «Медовый месяц» <...> с Европой явно не удался» (19.05.01);

«Самидентификация *славянского соседа* только начинается» (24.08.01).

Внешнеполитическая деятельность государства нередко осмысливается в терминах пути – ср. устойчивые сочетания «основные *направления* внешней политики», «внешнеполитический *курс*». В то же время, можно заметить, что в других, свободных, контекстах, задействующих метафору пути, скорее всего, имеет место не непосредственная концептуализация внешнеполитических тенденций через метафору «Политика-как-путешествие», а как бы двухступенчатая метафоризация: сначала государства осмысливаются как люди, а затем поступки людей структурируются в терминах пути, ср.:

«В этом контексте вопрос – куда *пойдет* Украина, – для США отнюдь не праздный» (06.06.01);

«Главный предмет обсуждения – как далеко *зашла* Россия на своем пути в Европу» (16.05.01);

«Разговоры о том, что США могут *уйти* из Европы, совершенно нелогичны» (06.06.01);

«Пока мы определяемся и раздумываем, новый мировой порядок укрепляется, отводя нам очень скромное место на *обочине*» (05.03.01).

В гораздо более широком масштабе подобную «двухступенчатую» метафоризацию можно наблюдать тогда, когда внешнеполитическая деятельность и международные отношения концептуализируются через категории пространства и понятия, непосредственно связанные с перцептивным опытом человека. Как известно, согласно одному из центральных догматов когнитологии, перцептивный и моторный опыт первичен для человеческого сознания и играет огромную роль в осмыслении человеком мира в целом, осуществляя концептуализацию нематериального в терминах привычного физического взаимодействия. Поэтому неудивительно, что человеческие взаимоотношения традиционно описываются с помощью таких оппозиций, как: *близкий – далекий, теплый – холодный, открытый – закрытый, жесткий/твердый – гибкий/мягкий, резкий – мягкий*, а также понятий *острый (конфликт), тесный (связи), натянутый, напряженный, прозрачный (отношения)* и т. д. Легко видеть, что использование данных категорий для представления особенностей человеческих взаимоотношений является не чем иным, как концептуальной метафорой, так как соответствующие слова в своих первичных значениях обозначают определенные физические свойства предметов и особенности их пространственного расположения (постигаемые органами чувств).

При этом некоторые метафоры могут иногда разворачиваться в целые метафорические сценарии⁶, ср.: «Кто-то собирается *закрывать* от всего мира на противоракетные “засовы”, а кто-то готов *распахнуть все двери*» (03.06.00). Аналогично, оппозиция *близкий – далекий* может подразумевать сценарий *сближения позиций, поиска точек соприкосновения* или, наоборот, сценарий *расхождения, удаления*; оппозиция *теплый – холодный* может «вызывать» сценарий *потепления отношений, или наоборот, похолодания с*

⁶ ЛАССАН, Э. Метафора как глубинный предикат текста. In *Доклады международной конференции «Когнитивные сценарии языковой коммуникации»*. Партенит, 2001.

сопутствующими «большей прохладой в отношениях» (28.03.01), «холодным душем» (03.03.01) и «сползанием к “холодной войне-2”» (23.03.01).

Члены перечисленных выше оппозиций можно условно объединить в две группы – соответственно «хорошие» (т. е. *близкие, тесные, теплые* и т. д.) и «плохие» отношения. При этом в обеих группах можно наблюдать определенную внутреннюю согласованность, обусловленную физическими свойствами соответствующих объектов (т. е. сферы-источника). Так, в первой группе физически связанными являются такие качества предметов, как *крепкость* и *прочность*, *мягкость* и *гибкость*. *Тесное* расположение объектов предполагает их *близость* друг к другу. *Тесное* расположение людей (например, в переполненном транспорте) создает эффект *тепла*. *Открытость* объекта (например, дома или двери) предполагает возможность сокращения расстояния, более *близкого* ознакомления (ср. «*окно в Европу*», «*прорывная инициатива*» (20.08.01)). Во второй группе *натянутый* хорошо коррелирует с *напряженным*; *острый, резкий* и *жесткий* обозначают схожие ощущения; *жесткость* предмета предполагает его *твердость*, а выражение «*железный занавес*» вызывает ассоциативный ряд *закрытый, холодный, жесткий*. Таким образом, наличие внутренней упорядоченности и когерентности перцептивных и пространственных метафор, используемых для концептуализации человеческих отношений.

Итак, концептуализация внешней политики государства через физические свойства предметов связано с последовательной активизацией двух типов метафор. Одна предполагает осмысление человеческих отношений (сфера-мишень) в терминах категорий перцептивного и моторного опыта (сфера-источник). На следующем этапе другая метафора использует человеческие взаимоотношения уже в качестве сферы-источника для концептуализации области международных отношений (сфера-мишень). В результате такой «двухступенчатой» метафоризации, столь сложная область, как международные отношения, получает истолкование в базовых, привычных каждому человеку с детства категориях моторного и перцептивного опыта.

Разумеется, за рамками настоящего исследования остались еще многие другие метафоры, использующие в качестве сферы-источника такие области, как *спорт, танец, игра, время года* и др. Однако, в отличие от рассмотренных выше, они не являются регулярными, и, кроме того, обладают яркой образностью, свидетельствующей о намеренности и осознанности авторского выбора, ср.:

«Россия всегда играла и продолжает играть в политические шахматы черными фигурами»;

«Полякам не составило никакого труда обыгрывать русских на украинском дипломатическом поле».

Более интересным, однако, (и более важным, с точки зрения теоретиков когнитивизма) является анализ тех глубоко укорененных когнитивных моделей, механизмы которых столь привычны, что вообще не осознаются и не требуют дополнительных умственных усилий ни при порождении, ни при восприятии соответствующего текста. Таковы, на наш взгляд, система пространственных и перцептивных метафор, а также метафора «государство-как-человек».

Tatyana Skrebtsova

St. Petersburg University

ул. Университетская наб. 7 / 9, 199034 St. Petersburg, Russia

Tel.: (8 10 7812) 3230784

METAPHORS IN THE MODERN RUSSIAN FOREIGN POLICY DISCOURSE

Summary

The article examines metaphors involved in the modern Russian political discourse on foreign affairs in the vein of seminal works by G. Lakoff, C. de Landtsheer, R. Anderson, Jr. Particular attention is drawn to conventional metaphors directly grounded in bodily experience and thus deeply embedded in the human conceptual system. Manifold correlations between perceptual and spatial concepts of the source domain are shown to be preserved in the target domain, forming a coherent system of conceptual metaphors. The paper argues that the conceptualization of foreign policy in terms of bodily experience undergoes a two-step metaphorization process.

Gauta 2001 12 10

Spaudai įteikta 2002 03 29